

Речь о проекте Конституции Боливии

Симон Боливар

Законодатели! Предлагая Вам проект Конституции Боливии, я чувствую, как меня переполняют смущение и робость, ибо убеждён в своей неспособности к созданию законов. Когда я вижу, как мудрости всех веков оказывается недостаточно, чтобы создать фундаментальный закон, который был бы совершенен, и как просвещённейший законодатель становится источником человеческого несчастья и, так сказать, насмешкой над своим предназначением, что я должен сказать о солдате, который, рождаясь среди рабства и умирая в пустынях своей родины, не видит ничего, кроме пленников в цепях и товарищей с оружием, чтобы эти цепи разбить? Я Законодатель...! Ваш обман и моё согласие спорят за преимущество; не знаю, кто больше страдает в этом ужасном конфликте: Вы - от бед, которых Вы, должно быть, опасаетесь от законов, о которых я прошу, или я - от позора, на который меня обрекает Ваша уверенность.

¡Legisladores! Al ofrecer el Proyecto de Constitución para Bolivia, me siento sobrecogido de confusión y timidez, porque estoy persuadido de mi incapacidad para hacer leyes. Cuando yo considero que la sabiduría de todos los siglos no es suficiente para componer una ley fundamental que sea perfecta, y que el más esclarecido legislador es la causa inmediata de la infelicidad humana, y la burla, por decirlo así, de su ministerio divino ¿qué deberé decir del soldado que, nacido entre esclavos y sepultado en los desiertos de su patria, no ha visto más que cautivos con cadenas, y compañeros con armas para romperlas? ¡Yo Legislador...! Vuestro engaño y mi compromiso se disputan la preferencia: no sé quién padezca más de este horrible conflicto; si vosotros por los males que debéis temer de las leyes que me habéis pedido, o yo del oprobio a que me condenáis por vuestra confianza.

Я собрал все свои силы, чтобы показать Вам своё мнение о том, как распорядиться человеческой свободой согласно принципам, принятым среди цивилизованных народов, хотя опыт показывает, что длительные периоды бедствий прерываются лишь вспышками счастья. Каким же принципам мы могли бы следовать, находясь в тени столь мрачных примеров?

He recogido todas mis fuerzas para exponeros mis opiniones sobre el modo de manejar hombres libres, por los principios adoptados entre los pueblos cultos; aunque las lecciones de la experiencia sólo muestran largos períodos de desastres, interrumpidos por relámpagos de ventura. ¿Qué guías podremos seguir a la sombra de tan tenebrosos ejemplos?

Законодатели! Ваш долг призывает Вас сопротивляться ударам двух ужасных врагов, воюющих друг с другом, каждый из которых атакует и Вас: тирания и анархия формируют безбрежный океан угнетения, окружающий маленький остров свободы, по которому вечно бьют яростные волны и ураганы, разрушающие и непрерывно захлёстывающие его. Взгляните на море, по которому Вы пытаетесь вести хрупкую лодку, капитан которой столь неопытен.

¡Legisladores! Vuestro deber os llama a resistir el choque de dos monstruosos enemigos que recíprocamente se combaten, y ambos os atacarán a la vez; la tiranía y la anarquía forman un inmenso océano de opresión, que rodea a una pequeña isla de libertad, embatida perpetuamente por la violencia de las olas y de los huracanes, que la arrastran sin cesar a sumergirla. Mirad el mar que vais a surcar con una frágil barca, cuyo piloto es tan inexperto.

Проект Конституции Боливии производит разделение на четыре политические силы, с добавлением ещё одной - так, чтобы не усложнять классическое отделение каждой из них от других. Избиратели получают полномочия, которые не найти даже у правительств, считающихся самыми либеральными. Эти прерогативы сильно приближены к таковым в федеральной системе. Я нашёл, что не только удобно и полезно, но также и просто наделить непосредственных представителей из народа полномочиями, которых более всего могут желать граждане каждого департамента, провинции или кантона. Для гражданина нет ничего важнее, чем выбор его законодателей, магистратов, судей и пасырей. Депутаты от каждой провинции представляют её нужды и интересы, и служат для жалоб на нарушения законов и злоупотребления судей. Осмелюсь сказать с некоторой точностью, что эти представители наделяются правами, которыми пользуются отдельные правительства федеральных государств. Таким образом, создаётся новый противовес в балансе с исполнительной властью, и Правительство получает больше гарантий, больше народности и новые права, чтобы стать самым демократическим из всех.

El Proyecto de Constitución para Bolivia está dividido en cuatro Poderes Políticos, habiendo añadido uno más, sin complicar por esto la división clásica de cada uno de los otros. El Electoral ha recibido facultades que no le estaban señaladas en otros gobiernos que se estiman entre los más liberales. Estas atribuciones se acercan en gran manera a las del sistema federal. Me ha parecido no sólo conveniente y útil, sino también fácil, conceder a los representantes inmediatos del pueblo los privilegios que más pueden desear los ciudadanos de cada departamento, provincia o cantón. Ningún objeto es más importante a un ciudadano que la elección de sus legisladores, magistrados, jueces y pastores. Los Colegios Electorales de cada provincia representan las necesidades y los intereses de ellas y sirven para quejarse de las infracciones de las leyes y de los abusos de los magistrados. Me atrevería a decir con alguna exactitud que esta representación participa de los derechos de que gozan los gobiernos particulares de los Estados federados. De este modo se ha puesto nuevo peso a la balanza contra el Ejecutivo; y el Gobierno ha adquirido más garantías, más popularidad y nuevos títulos, para que sobresalga entre los más democráticos.

Каждые 10 граждан назначают выборщика; таким образом формируется представительство нации из десятой доли её граждан. Не требуется ни дееспособности, ни владения имуществом, чтобы исполнять величайшую функцию Правления; более этого, надо уметь написать своё волеизъявление, подписаться и прочесть законы. Заниматься какой-либо наукой или владеть искусством, которое давало бы честный источник для пропитания. Нет никаких исключений кроме преступности, праздности или полнейшего невежества. Знание и честь, а не деньги - вот что требуется от избираемых в Народную Власть.

Cada diez ciudadanos nombran un elector; y así se encuentra la nación representada por el décimo de sus ciudadanos. No se exigen sino capacidades, ni se necesita poseer bienes, para representar la augusta función del Soberano; mas debe saber escribir sus votaciones, firmar su nombre y leer las leyes. Ha de profesar una ciencia, o un arte que le asegure un alimento honesto. No se le ponen otras exclusiones que las del crimen, o de la ociosidad, y de la ignorancia absoluta. Saber y honradez, no dinero, es lo que requiere el ejercicio del Poder Público.

Законодательный Корпус обладает структурой, необходимой для гармонизации его частей: он не будет вечно разделён из-за отсутствия судьи-арбитра, как это бывает там, где Палат лишь две. Тут из будет три, и раздор между двумя будет разрешаться третьей, а дела будут рассматриваться двумя сторонами, ведущими тяжбу, и беспристрастным судьёй: таким образом, никакой полезный закон не останется бездейственным, или по крайней мере принятым во внимание два или три раза, прежде вынесения отрицательного решения. Во всех делах между двумя сторонами будет третья - решающая, и разве не было бы абсурдом, если бы в самых трудных нуждах общества игнорировалось такое постановление,

продиктованное настоятельной необходимостью? Таким образом, Палаты будут защищены в рассмотрении, в которых нужно сохранить всеобщий союз, и которые надо обсуждать с утихшими страстями и мудрым спокойствием. Мне говорят, что современные конгрессы состоят лишь из двух частей. Это потому, что в Англии, служащей примером, знать и народ обязаны избирать две Палаты, и если в Северной Америке поступают так же, не имея знати, то можно предположить, что это происходит по привычке, оставшейся от английского правления, вдохновившего их на эту имитацию. Дело в том, что два совещательных органа должны вечно сражаться друг с другом, поэтому Сийес не хотел иметь более одного. Классический абсурд.

El Cuerpo Legislativo tiene una composición que lo hace necesariamente armonioso entre sus partes: no se hallará siempre dividido por falta de un juez árbitro, como sucede donde no hay mas que dos Cámaras. Habiendo aquí tres, la discordia entre dos queda resuelta por la tercera; y la cuestión examinada por dos partes contendientes y un imparcial que la juzga: de este modo ninguna ley útil queda sin efecto, o por lo menos, habrá sido vista una, dos y tres veces antes de sufrir la negativa. En todos los negocios entre dos contrarios se nombra un tercero para decidir, y ¿no sería absurdo que en los intereses más arduos de la sociedad se desdeñara esta providencia dictada por una necesidad imperiosa? Así las Cámaras guardarán entre sí aquellas consideraciones que son indispensables para conservar la unión del todo, que debe deliberar en el silencio de las pasiones y con la calma de la sabiduría. Los congresos modernos, me dirán, se han compuesto de solas dos secciones. Es porque en Inglaterra, que ha servido de modelo, la nobleza y el pueblo debían representarse en dos Cámaras; y si en Norte América se hizo lo mismo sin haber nobleza puede suponerse que la costumbre de estar bajo el gobierno inglés, le inspiró esta imitación. El hecho es que dos cuerpos deliberantes deben combatir perpetuamente: y por esto Sieyès no quería más que uno. Clásico absurdo.

Первая Палата состоит из Трибунов, и наделяется полномочиями инициировать законы, имеющие отношение к Казне, Миру и Войне. Она производит прямую проверку ветвей, которыми Исполнительная власть управляет без вмешательства Законодательной.

La primera Cámara es de Tribunos, y goza de la atribución de iniciar las leyes relativas a Hacienda, Paz y Guerra. Ella tiene la inspección inmediata de los ramos que el Ejecutivo administra con menos intervención del Legislativo.

Сенаторы формируют своды законов и церковные уставы, и следят за судами и верой. На долю Сената выпадает выбор префектов, районных судей, губернаторов, корректоров и всех подчинённых Департаменту Юстиции. Палата Цензоров выдвигает членов Верховного Суда, архиепископов, епископов, сановников и каноников. В ведомах Сената находится всё, имеющее отношение к религии и законам.

Los Senadores forman los códigos y reglamentos eclesiásticos, y velan sobre los tribunales y el culto. Toca al Senado escoger los prefectos, los jueces del distrito, gobernadores, corregidores, y todos los subalternos del Departamento de Justicia. Propone a la Cámara de Censores los miembros del Tribunal Supremo, los arzobispos, obispos, dignidades y canónigos. Es del resorte del Senado cuanto pertenece a la religión y a las leyes.

Цензоры осуществляют политическую и моральную власть, имеющую некую схожесть с ареопагом в Афинах и цензорами Рима. Они будут прокурорами против правительства, следящими за соблюдением Конституции, общественных Договоров и веры. Под их покровительство я поместил Национальный Суд, который должен будет решать, хорошим или плохим является управление, производимое Исполнительной властью.

Los Censores ejercen una potestad política y moral que tiene alguna semejanza con la del Areópago de Atenas, y de los Censores de Roma. Serán ellos los fiscales contra el gobierno para celar si la Constitución y los Tratados públicos se observan con religión. He puesto bajo su égida el Juicio Nacional, que debe decidir de la buena o mala administración del Ejecutivo.

Цензоры покровительствуют морали, наукам, искусствам, образованию и печати. Им принадлежат как самые ужасные, так и самые великие функции. Они приговаривают к вечному позору узурпаторов высшей власти и знаменитых преступников. Они воздают общественные почести за работы и достоинства выдающимся гражданам. Стрелка славы заключена в их руках, поэтому Цензоры должны обладать абсолютной невинностью и безупречной жизнью. Если они провинятся, то должны быть наказаны даже за малейшие нарушения. Этим священникам закона доверяется сохранение наших священных скрижалей, ибо именно они должны взывать о помощи против их осквернения.

Son los Censores los que protegen la moral, las ciencias, las artes, la instrucción y la imprenta. La más terrible como la más augusta función pertenece a los Censores. Condenan a oprobio eterno a los usurpadores de la autoridad soberana y a los insignes criminales. Conceden honores públicos a los servicios y a las virtudes de los ciudadanos ilustres. El fiel de la gloria se ha confiado a sus manos: por lo mismo, los Censores deben gozar de una inocencia intacta y de una vida sin mancha. Si delinquen, serán acusados hasta por faltas leves. A estos sacerdotes de las leyes he confiado la conservación de nuestras sagradas tablas, porque son ellos los que deben clamar contra sus profanadores.

Президент Республики, согласно нашей Конституции, должен быть как солнце, прочно стоящее в её центре, давая жизнь Вселенной. Эта высочайшая власть должна быть вечной, ибо системы без иерархий более других нуждаются в неподвижной точке, вокруг которой вращаются чиновники и граждане, люди и вещи. Дайте мне точку опоры, говорил древний, и я переверну мир. Для Боливии эта точка - пожизненный Президент. На него опирается весь наш порядок, хотя он и не производит для этого действий. У него будет отрезана голова, чтобы никто не боялся его намерений, и связаны руки, чтобы он никому не причинил вреда.

El Presidente de la República viene a ser en nuestra Constitución, como el sol que, firme en su centro, da vida al Universo. Esta suprema autoridad debe ser perpetua; porque en los sistemas sin jerarquías se necesita más que en otros un punto fijo alrededor del cual giren los magistrados y los ciudadanos: los hombres y las cosas. Dadme un punto fijo, decía un antiguo, y moveré el mundo. Para Bolivia, este punto es el Presidente vitalicio. En él estriba todo nuestro orden, sin tener en esto acción. Se le ha cortado la cabeza para que nadie tema sus intenciones, y se le han ligado las manos para que a nadie dañe.

Президент Боливии наделяется полномочиями Исполнительной власти Америки, но с ограничениями, благоприятными для народа. Их длительность - такая же, как и у Президента Гаити. Я выбрал для Боливии самую демократичную Исполнительную власть в мире.

El Presidente de Bolivia participa de las facultades del Ejecutivo Americano, pero con restricciones favorables al pueblo. Su duración es la de los Presidentes de Haití. Yo he tomado para Bolivia el Ejecutivo de la República más democrática del mundo.

Остров Гаити (я позволю себе это отступление) постоянно находился в состоянии восстания: после экспериментов с империей, монархией, республикой, всеми известными правительствами и ещё некоторыми, там вынужден был явиться знаменитый Петион, чтобы спасти его. В него поверили, и судьба Гаити перестала колебаться. Петион был назначен

Президентом пожизненно, с правом выбрать преемника, и ни смерть этого великого человека, ни смена его новым президентом не причинили Государству ни малейшего несчастья: всё перешло к достойному Бойеру в духе легитимной монархии. Это триумфальное доказательство того, что пожизненный президент с правом выбора преемника тончайшим образом соответствует духу республиканского порядка.

La isla de Haití (permitaseme esta digresión) se hallaba en insurrección permanente: después de haber experimentado el imperio, el reino, la república, todos los gobiernos conocidos y algunos más, se vio forzada a ocurrir al ilustre Petión para que la salvase. Confiaron en él, y los destinos de Haití no vacilaron más. Nombrado Petión Presidente vitalicio con facultades para elegir el sucesor, ni la muerte de este grande hombre ni la sucesión del nuevo Presidente han causado el menor peligro en el Estado; todo ha marchado bajo el digno Boyer, en la calma de un reino legítimo. Prueba triunfante de que un Presidente vitalicio, con derecho para elegir el sucesor, es la inspiración más sublime en el orden republicano.

Президент Боливии будет менее подвержен опасности, чем на Гаити, находясь в состоянии более безопасного наследования для блага Государства. Вдобавок, Президент Боливии лишён всяческого влияния: он не назначает ни магистратов, ни судей, ни церковных иерархов, даже младших. Такое умаление власти ещё не заставило страдать ни одно хорошо составленное правительство: оно добавляет барьеры власти начальника, ибо обычно над всем народом господствуют те, кто исполняет важнейшие общественные функции. Священники управляют совестью, судьи - собственностью, честью и жизнью, а магистраты - всеми общественными мероприятиями. От этих людей народу не нужно ничего кроме званий, славы и капиталов, а от Президента можно не ждать осложнений, вызванных его амбициозными взглядами. Если добавить к этому рассмотрению тех, из кого естественным образом рождаются главные оппозиционеры, с которыми демократическое правительство сталкивается в течение всего своего правления, то, кажется, есть право с уверенностью сказать, что узурпация Власти для этого правительства возможна менее, чем для любого другого.

El Presidente de Bolivia será menos peligroso que el de Haití, siendo el modo de sucesión más seguro para el bien del Estado. Además el Presidente de Bolivia está privado de todas las influencias: no nombra los magistrados, los jueces, ni las dignidades eclesiásticas, por pequeñas que sean. Esta disminución de poder no la ha sufrido todavía ningún gobierno bien constituido: ella añade trabas sobre trabas a la autoridad de un jefe que hallará siempre a todo el pueblo dominado por los que ejercen las funciones más importantes de la sociedad. Los sacerdotes mandan en las conciencias, los jueces en la propiedad, el honor y la vida, y los magistrados en todos los actos públicos. No debiendo estos sino al pueblo sus dignidades, su gloria y su fortuna, no puede el Presidente esperar complicarlos en sus miras ambiciosas. Si a esta consideración se agregan las que naturalmente nacen de las oposiciones generales que encuentra un gobierno democrático en todos los momentos de su administración, parece que hay derecho para estar cierto de que la usurpación del Poder público dista más de este gobierno que de otro ninguno.

Законодатели! Свободу сегодняшнего дня в Америке будет уже не разрушить. Посмотрите на дикую природу этого континента, которая сама отвергает монархический порядок: пустыни побуждают к независимости. Здесь нет ни большой знати, ни больших церковников. Наши богатства были почти нулевыми, и до сих пор они ещё таковы. И хотя церковь жаждет влияния, она далека от стремления к владению, удовлетворяясь самосохранением. Без этих опор положение тиранов нестабильно, и если какие-либо амбициозные люди и затеивают создание империй — [Дессалин](#), Кристобаль, Итурбиде — можно сказать, чего им следует ожидать. Нет власти, которую было бы легче поддерживать, чем власть нового принца. Бонапарт, победитель всех армий, не смог победить это правило, которое сильнее самих империй. И если сам великий Наполеон не смог выстоять против

лиги республиканцев и аристократов, то кто сможет в Америке основать монархию на почве, воспламенённой призывами к свободе, которая поглотит доски, положенные для возведения королевских эшафотов? Нет, законодатели, не бойтесь претендентов на короны: над их головами будет висеть Дамоклов меч. Новоиспечённые принцы, ослеплённые настолько, что осмелятся строить троны на обломках свободы, будут лишь возводить курганы для своего праха, которые расскажут грядущим векам о том, как они предпочли амбициозную спесь свободе и славе.

¡Legisladores! La libertad de hoy más, será indestructible en América. Véase la naturaleza salvaje de este continente, que expele por sí sola el orden monárquico: los desiertos convidan a la independencia. Aquí no hay grandes nobles, grandes eclesiásticos. Nuestras riquezas eran casi nulas, y en el día lo son todavía más. Aunque la Iglesia goza de influencia, está lejos de aspirar al dominio, satisfecha con su conservación. Sin estos apoyos, los tiranos no son permanentes; y si algunos ambiciosos se empeñan en levantar imperios, Dessalines, Cristóbal, Iturbide, les dicen lo que deben esperar. No hay poder más difícil de mantener que el de un príncipe nuevo. Bonaparte, vencedor de todos los ejércitos, no logró triunfar de esta regla, más fuerte que los imperios. Y si el gran Napoleón no consiguió mantenerse contra la liga de los republicanos y de los aristócratas, ¿quién alcanzará, en América, fundar monarquías, en un suelo incendiado con las brillantes llamas de la libertad, y que devora las tablas que se le ponen para elevar esos cadalsos regios? No, legisladores: no temáis a los pretendientes a coronas; ellas serán para sus cabezas la espada pendiente sobre Dionisio. Los príncipes flamantes que se obcequen hasta construir tronos encima de los escombros de la libertad, erigirán túmulos a sus cenizas, que digan a los siglos futuros cómo prefirieron su fatua ambición a la libertad y a la gloria.

Конституционные границы у Президента Боливии - самые узкие из известных: он лишь назначает работников казначейства, мира и войны; командует армией. Вот и все его функции.

Los límites constitucionales del Presidente de Bolivia son los más estrechos que se conocen: apenas nombra los empleados de hacienda, paz y guerra; manda el ejército. He aquí sus funciones.

Всё управление находится полностью в руках Министерства, ответственного за цензоров и находящегося под пристальным наблюдением законодателей, магистратов, судей и граждан. Но таможенники и солдаты, единственные агенты этого министерства, на самом деле не особо подходят для завоевания народной популярности, так что его влияние будет нулевым.

La administración pertenece toda al Ministerio, responsable a los censores, y sujeta a la vigilancia celosa de todos los legisladores, magistrados, jueces y ciudadanos. Los aduanistas y los soldados, únicos agentes de este ministerio, no son, a la verdad, los más adecuados para captarle la aura popular; así su influencia sería nula.

Вице-президент - самый скованный из магистратов, служащих во власти: кроме Законодательной и Исполнительной власти он подчинён правительству республики. От первой он получает законы, от второй — приказы, и между двумя этими оградами он должен идти по печальной и прикрытой с обрывистых флангов дороге. Но несмотря на такие неудобства, править таким образом предпочтительнее и гораздо лучше, чем с абсолютной властью. Конституционные барьеры расширяют политическую совесть и дают твёрдую уверенность на встречу с маяком, который укажет путь посреди окружающих подводных камней: они служат опорой против натиска наших страстей, направленных на чуждые интересы.

El Vicepresidente es el magistrado más encadenado que ha servido el mando: obedece juntamente al Legislativo y al Ejecutivo de un gobierno republicano. Del primero recibe las leyes; del segundo las órdenes; y entre estas dos barreras ha de marchar por un camino angustiado y flanqueado de precipicios. A pesar de tantos inconvenientes, es preferible gobernar de este modo, más bien que con imperio absoluto. Las barreras constitucionales ensanchan una conciencia política y le dan firme esperanza de encontrar el fanal que la guíe entre los escollos que la rodean: ellas sirven de apoyo contra los empujes de nuestras pasiones, concertadas con los intereses ajenos.

В правительстве Соединённых Штатов в последнее время была видна практика назначения премьер-министра для следования за Президентом. В республике нет ничего удобнее такого порядка: он сочетает в себе преимущества положения главы администрации и субъекта, искушённого в делах управления государством. Вступая в исполнение своих обязанностей, он формирует и несёт с собой ауру популярности и превосходную практику. Эта идея овладела мною, и я установил её в качестве закона.

En el gobierno de los Estados Unidos se ha observado últimamente la práctica de nombrar al primer Ministro para suceder al Presidente. Nada es tan conveniente, en una república, como este método: reúne la ventaja de poner a la cabeza de la administración un sujeto experimentado en el manejo del Estado. Cuando entra a ejercer sus funciones, va formado, y lleva consigo la aureola de la popularidad y una práctica consumada. Me he apoderado de esta idea y la he establecido como ley.

Президент Республики назначает Вице-Президента, чтобы тот управлял Государством и наследовал его власть. Эта предосторожность позволяет избежать выборов, которые производят в республиках большие беды, и анархии, которой изобилует тирания, и которая является самой непосредственной и ужасной из опасностей народных правительств. Посмотрите, каким образом в республиках, как и в легитимных королевствах, разражаются страшные кризисы.

El Presidente de la República nombra al Vice-Presidente, para que administre el Estado y le suceda en el mando. Por esta providencia se evitan las elecciones, que producen el grande azote de las repúblicas, la anarquía, que es el lujo de la tiranía y el peligro más inmediato y más terrible de los gobiernos populares. Ved de que modo sucede como en los reinos legítimos, la tremenda crisis de las repúblicas.

Вице-Президент должен быть чистейшим из людей: причина в том, что если Первым Лицом не выбирается очень прямой гражданин, то его следует бояться, как кровного врага, и подозревать даже в секретных амбициях. Этот же Вице-Президент был бы вынужден прилагать усилия, чтобы своей доброй службой заслужить доверие, необходимое для исполнения высочайших функций, и ожидать большой национальной награды: высочайшего приказа. Законодательный Корпус и народ будут требовать от этого правителя способностей, талантов и слепого повиновения законам свободы.

El Vice-Presidente debe ser el hombre más puro: la razón es, que si el Primer Magistrado no elige un ciudadano muy recto, debe temerle como a enemigo encarnizado; y sospechar hasta de sus secretas ambiciones. Este Vice-Presidente ha de esforzarse a merecer por sus buenos servicios el crédito que necesita para desempeñar las más altas funciones y esperar la gran recompensa nacional: el mando supremo. El Cuerpo Legislativo y el pueblo exigirán capacidades y talentos de parte de este magistrado; y le pedirán una ciega obediencia a las leyes de la libertad.

Наследование делает монархический режим вечным, и так оно используется почти во всём мире; так насколько же полезнее метод, который я только что предложил для преемствования Вице-Президента? Чтобы принцы избирались по заслугам, а не наудачу, и чтобы вместо пребывания в безделии и невежестве, они возглавляли администрацию? Нет сомнений, что тогда они станут самыми прославленными из монархов, и будут нести счастье народам. Да, законодатели, монархия, управляющая землёй, получает свои титулы согласно наследованию, которое делает её стабильной, и согласно единству, которое делает её сильной. Поэтому, хотя верховный принц и является избалованным ребёнком, запертом в своём дворце, приученным к лесте и управляемым всеми страстями, этот принц, которого я осмелился бы назвать насмешкой над человеком, управляет человеческим родом потому, что такими сохраняются порядок вещей и субординация между гражданами, с твёрдой властью и постоянным действием. Посмотрите, законодатели, как эти значительные выгоды объединены в пожизненном Президенте и наследующем ему Вице-Президенте.

Siendo la herencia la que perpetúa el régimen monárquico y lo hace casi general en el mundo: ¿cuánto más útil no es el método que acabo de proponer para la sucesión del Vice-Presidente? ¿Qué fueran los príncipes hereditarios elegidos por el mérito y no por la suerte; y que en lugar de quedarse en la inacción y en la ignorancia, se pusiesen a la cabeza de la administración? Serían, sin duda, monarcas más esclarecidos y harían la dicha de los pueblos. Sí, legisladores, la monarquía que gobierna la tierra ha obtenido sus títulos de aprobación de la herencia que la hace estable y de la unidad que la hace fuerte. Por esto, aunque un príncipe soberano es un niño mimado, enclaustrado en su palacio, educado por la adulación y conducido por todas las pasiones, este príncipe, que me atrevería a llamar la ironía del hombre, manda al género humano porque conserva el orden de las cosas y la subordinación entre los ciudadanos, con un poder firme y una acción constante. Considerad, legisladores, que estas grandes ventajas se reúnen en el Presidente vitalicio y Vicepresidente hereditario.

Судебная Власть, которую я предлагаю, пользуется полной независимостью: такого больше нет нигде. Народ представляет кандидатов, а Законодательная власть избирает лиц, из которых будут составлены трибуналы. Если Судебная Власть не исходит из этого источника, то невозможно сохранить в полной чистоте защиту прав личностей. Эти права, Законодатели, состоят из свободы, равенства, безопасности и всех гарантий общественного порядка. Истинная либеральная конституция состоит из гражданского и уголовного кодексов, а самая ужасная из тираний создаёт трибуналы как жуткий инструмент законов.

El Poder Judicial que propongo goza de una independencia absoluta: en ninguna parte tiene tanta. El pueblo presenta los candidatos, y el Legislativo escoge los individuos que han de componer los tribunales. Si el Poder Judicial no emana de este origen, es imposible que conserve en toda su pureza la salvaguardia de los derechos individuales. Estos derechos, Legisladores, son los que constituyen la libertad, la igualdad, la seguridad, todas las garantías del orden social. La verdadera constitución liberal está en los códigos civiles y criminales; y la más terrible tiranía la ejercen los tribunales por el tremendo instrumento de las leyes.

Обычно Исполнительная Власть является лишь хранителем общественных дел, а трибуналы — судьями личных дел, дел отдельных лиц. Судебная Власть же содержит меру добра и зла относительно граждан; и если в Республике есть свобода и справедливость, то они распределяются этой властью. Иногда политическая организация значит мало - если гражданская совершенна, а законы исполняются аккуратно и непреклонно, как Судьба.

De ordinario el Ejecutivo no es más que el depositario de la cosa pública; pero los tribunales son los árbitros de las cosas propias, de las cosas de los individuos. El Poder Judicial contiene la medida del bien o del mal de los ciudadanos; y si hay libertad, si hay justicia en la

República, son distribuidas por este poder. Poco importa a veces la organización política, con tal que la civil sea perfecta; que las leyes se cumplan religiosamente y se tengan por inexorables como el Destino.

Как и ожидалось, следуя современным веяниям, мы запрещаем применение пыток для получения признаний, и сокращаем судебные процессы, затягиваемые запутанными лабиринтами апелляций.

Era de esperarse, conforme a las ideas del día, que prohibiésemos el uso del tormento, de las confesiones; y que cortásemos la prolongación de los pleitos en el intrincado laberinto de las apelaciones.

Территория Республики управляется префектами, губернаторами, коррехидорами, мировыми судьями и алькальдами. Я не могу вторгаться во внутренний уклад и в полномочия этих властей, но мой долг - рекомендовать Конгрессу правила, касающиеся работы департаментов и провинций. Законодатели, имейте в виду, что нации состоят из городов и деревень, и что их благополучие формирует счастье Государства. И Ваше внимание к качеству управления департаментами никогда не будет лишним. Этот момент является выделенным в законодательной науке, и никакие обстоятельства не должны заставить Вас пренебречь им.

El territorio de la República se gobierna por prefectos, gobernadores, corregidores, jueces de paz y alcaldes. No he podido entrar en el régimen interior y facultades de estas jurisdicciones; es mi deber, sin embargo, recomendar al Congreso los reglamentos concernientes al servicio de los departamentos y provincias. Tened presente, legisladores, que las naciones se componen de ciudades y de aldeas; y que del bienestar de éstas se forma la felicidad del Estado. Nunca prestaréis demasiado vuestra atención al buen régimen de los departamentos. Este punto es de predilección en la ciencia legislativa y no obstante es harto desdeñado.

Вооружённые силы я разделил на четыре части: регулярная армия, эскадра, милиция и военная таможня. Назначение регулярной армии - охрана границы. Бог не хранит того, кто обращает свою армию против граждан! Для поддержания внутреннего порядка достаточно и милиции. У Боливии нет больших побережий, поэтому флот для неё бесполезен; однако, несмотря на это, в какой-то день мы должны его иметь. Военная таможня во всех отношениях предпочтительнее обычной охраны: подобная служба безнравственна сверх меры, поэтому Республика заинтересована в том, чтобы в целях борьбы с мошенничеством её границы охранялись регулярными войсками и таможенными войсками.

He dividido la fuerza armada en cuatro partes: ejército de línea, escuadra, milicia nacional y resguardo militar. El destino del ejército es guarnecer la frontera. ¡Dios nos preserve de que vuelva sus armas contra los ciudadanos! Basta la milicia nacional para conservar el orden interno. Bolivia no posee grandes costas, y por lo mismo es inútil la marina: debemos, a pesar de esto, obtener algún día uno y otro. El resguardo militar es preferible por todos respectos al de guardas: un servicio semejante es más inmoral que superfluo, por lo tanto interesa a la República guarnecer sus fronteras con tropas de línea y tropas de resguardo contra la guerra del fraude.

Думаю, что конституция Боливии должна периодически реформироваться, чтобы отвечать изменениям мировой нравственности. Процедуры этой реформы я прописал в терминах, которые считаю наиболее подходящими к данному случаю.

He pensado que la constitución de Bolivia debiera reformarse por períodos, según lo exige el movimiento del mundo moral. Los trámites de la reforma se han señalado en los términos que he

juzgado más propios del caso.

Ответственность чиновников прописана в Конституции Боливии самым эффективным образом. Без ответственности и без наказаний государство впадает в хаос. Я смею настойчиво просить от Законодателей, чтобы законы касательно этой важной материи они создавали сильные и категоричные. Все говорят об ответственности, а она остаётся лишь на устах. Нет ответственности, законодатели: магистраты, судьи и чиновники злоупотребляют своими правами потому, что их не держат в строгости представители администрации; меж тем, жертвами этого злоупотребления становятся граждане. Я рекомендую закон, который предписал бы метод ежегодной ответственности для каждого чиновника.

La responsabilidad de los empleados se señala en la Constitución Boliviana del modo más efectivo. Sin responsabilidad, sin represión, el estado es un caos. Me atrevo a instar con encarecimiento a los Legisladores para que dicten leyes fuertes y terminantes sobre esta importante materia. Todos hablan de responsabilidad, pero ella se queda en los labios. No hay responsabilidad, legisladores: los magistrados, jueces y empleados abusan de sus facultades, porque no se contiene con rigor a los agentes de la administración; siendo entre tanto los ciudadanos víctimas de este abuso. Recomendará yo una ley que prescribiera un método de responsabilidad anual para cada empleado.

Устанавливаются совершеннейшие гарантии: гражданская свобода - это свобода истинная, все другие лишь номинальны, или оказывают малое влияние на граждан. Гарантируется личная безопасность, являющаяся той целью общества, из которой исходят все остальные. Что касается собственности, то она зависит от гражданского кодекса, который впоследствии Ваша мудрость должна составить ради счастья Ваших сограждан. Остаётся неприкосновенным закон законов - равенство: без него исчезают все гарантии, все права. Ради него мы должны идти на жертвы. К его ногам повержено, покрытое унижением, опозоренное рабство.

Se han establecido las garantías más perfectas: la libertad civil es la verdadera libertad; las demás son nominales, o de poca influencia con respecto a los ciudadanos. Se ha garantizado la seguridad personal, que es el fin de la sociedad, y de la cual emanan las demás. En cuanto a la propiedad, ella depende del código civil que vuestra sabiduría debiera componer luego, para la dicha de vuestros conciudadanos. He conservado intacta la ley de las leyes -la igualdad: sin ella perecen todas las garantías, todos los derechos. A ella debemos hacer los sacrificios. A sus pies he puesto, cubierta de humillación, a la infame esclavitud.

Законодатели! Рабство - это нарушение всех законов. Закон, который его сохраняет, был бы самым кощунственным. По какому праву можно было бы оправдать его сохранение? Рассмотрев это преступление во всех аспектах, я не убедился, что есть хоть один боливец настолько испорченный, что желает узаконить это самое известное из унижений человеческого достоинства. Один человек, владеющий другим! Человек, как собственность! Образ Божий, кладущийся под ярмо, как животное! Скажите, где ещё есть титулы узурпаторов человека? Гвинея тут не пример, ибо опустошённая братоубийством Африка не может предложить ничего, кроме преступления. Будучи перенесены сюда, какой закон или какую власть могут санкционировать эти реликты африканских племён, правящие на жертвах? Передавать, продлевать, увековечивать это преступление, замешанное на мучениях, - это самое шокирующее из тяжких оскорблений. Основание принципа владения на самом яростном из преступлений не может задумываться без разрушения элементов права и без полного извращения понятий о долге. Никто не вправе ломать святую догму равенства. А может ли быть равенство там, где правит рабство? Таким противоречиям наш разум выносит ещё большее осуждение, чем наше правосудие: репутацию сумасшедших мы

получили бы ещё быстрее, чем репутацию узурпаторов.

Legisladores, la infracción de todas las leyes es la esclavitud. La ley que la conservara sería la más sacrílega. ¿Qué derecho se alegaría para su conservación? Mírese este delito por todos aspectos, y no me persuado que haya un solo boliviano tan depravado que pretenda legitimar la más insigne violación de la dignidad humana. ¡Un hombre poseído por otro! ¡Un hombre propiedad! ¡Una imagen de Dios puest al yugo como el bruto! Dígasenos ¿dónde están los títulos de los usurpadores del hombre? La Guinea no los ha mandado, pues el Africa, devastada por el fratricidio, no ofrece más que crímenes. Trasplantadas aquí estas reliquias de aquellas tribus africanas, ¿qué ley o potestad será capaz de sancionar el dominio sobre estas víctimas? Transmitir, prorrogar, eternizar este crimen mezclado de suplicios, es el ultraje más chocante. Fundar un principio de posesión sobre la más feroz delincuencia no podría concebirse sin el trastorno de los elementos del derecho y sin la perversión más absoluta de las nociones del deber. Nadie puede romper el santo dogma de la igualdad. Y ¿habrá esclavitud donde reina la igualdad? Tales contradicciones formarían más bien el vituperio de nuestra razón que el de nuestra justicia: seríamos reputados por más dementes que usurpadores.

Если бы не существовало Бога Защитника невинности и свободы, можно было бы предпочесть долю благородного льва, владычествующего над пустынями и лесами, доле пленника на службе у гнусного тирана, который, соучаствуя в его преступлениях, провоцирует гнев небес. Но нет: Бог предназначил для человека свободу, и хранит его для осуществления предназначенной небом свободы воли.

Si no hubiera un Dios Protector de la inocencia y de la libertad, prefiriera la suerte de un león generoso, dominando en los desiertos y en los bosques, a la de un cautivo al servicio de un infame tirano que, cómplice de sus crímenes, provocara la cólera del cielo. Pero no: Dios ha destinado el hombre a la libertad: él lo protege para que ejerza la celeste función del albedrío.

Законодатели! Я упомяну о статье, которую, по совести, должен был бы пропустить. В политической конституции не следует прописывать религиозную профессию, ибо, согласно наилучшим доктринам о фундаментальных законах, они являются гарантиями гражданских и политических прав; религия же этих прав не касается, её природа неопределима в социальном порядке, и относится к интеллектуальной нравственности. Религия правит человеком в доме и в кабинете изнутри: лишь она имеет право обследовать внутреннюю совесть. Законы же, напротив, глядят на поверхность вещей: они правят лишь снаружи дома, принадлежащего гражданину. Учитывая эти рассуждения, может ли Государство править совестью своих подданных, контролировать выполнение религиозных законов и давать награду или наказание, когда трибунал находится на небесах, а судьёй является Бог? Лишь инквизиция была в состоянии заменить их в этом мире. Так что же, вернём инквизицию с её пылающими факелами?

¡Legisladores! Haré mención de un artículo que, según mi conciencia, he debido omitir. En una constitución política no debe prescribirse una profesión religiosa, porque según las mejores doctrinas sobre las leyes fundamentales, éstas son las garantías de los derechos políticos y civiles; y como la religión no toca a ninguno de estos derechos, ella es de naturaleza indefinible en el orden social y pertenece a la moral intelectual. La religión gobierna al hombre en la casa, en el gabinete, dentro de sí mismo: sólo ella tiene derecho de examinar la conciencia íntima. Las leyes, por el contrario, miran la superficie de las cosas: no gobiernan sino fuera de la casa del ciudadano. Aplicando estas consideraciones, ¿podrá un Estado regir la conciencia de los súbditos, velar sobre el cumplimiento de las leyes religiosas y dar el premio o el castigo, cuando los tribunales están en el cielo, y cuando Dios es el juez? La inquisición solamente sería capaz de reemplazarlas en este mundo. ¿Volverá la inquisición con sus teas incendiarias?

Религия - это закон совести. Выше неё законов нет, ибо установленная обязанность долга снимается заслугой в вере, которая является основой религии. Заповеди и священные догмы полезны, лучезарны и обладают метафизической очевидностью; все мы должны исповедовать их, это долг скорее морали, а не политики.

La religión es la ley de la conciencia. Toda ley sobre ella la anula porque, imponiendo la necesidad al deber, quita el mérito a la fe, que es la base de la religión. Los preceptos y los dogmas sagrados son útiles, luminosos y de evidencia metafísica; todos debemos profesarlos, mas este deber es moral, no político.

С другой стороны, каковы в этом мире права человека относительно религии? Они находятся на небесах, там - трибунал, воздающий по заслугам и вершащий правосудие согласно кодексу, оглашённому законодателем. Касательно всего этого божественного правосудия, мне на первый взгляд кажется святотатством и осквернением смешивание наших предписаний с заповедями господа. Поэтому предпишем религии не касаться законодателя, ибо она должна назначать наказания за нарушения законов, в Речи о проекте Конституции отсутствующих... там, где книги - лишь дары простых советов. Без временных наказаний и без судей, которые их налагают, закон перестаёт быть законом.

Por otra parte, ¿cuáles son en este mundo los derechos del hombre hacia la religión? Ellos están en el cielo; allá el tribunal recompensa el mérito, y hace justicia según el código que ha dictado el legislador. Siendo todo esto de jurisdicción divina, me parece a primera vista sacrilego y profano mezclar nuestras ordenanzas con los mandamientos del Señor. Prescribir, pues, la religión, no toca al legislador; porque éste debe señalar penas a las infracciones de las leyes, para que no sean Discurso sobre el proyecto de Constitución... donde los libros son gratis meros consejos. No habiendo castigos temporales ni jueces que los apliquen, la ley deja de ser ley.

Главной целью законодателя является нравственное развитие человека, и когда это развитие свершается, человек может опираться на свою мораль в открывшихся истинах и исповедании сформировавшейся веры, которая эффективнее, когда приобретается в результате личного опыта. К тому же, отцы семейств не могут пренебрегать религиозным долгом по отношению к своим детям. Духовные пастыри обязаны учить науке небес: пример истинных учеников Иисуса - самый красноречивый из учителей его божественной морали; но приказы отдаёт не мораль и не учитель: при дарении советов нельзя применять силу. Бог и его Министры - религиозные авторитеты, работающие посредством чисто духовных методов, но никоим образом это не относится к национальным органам, возглавляемым общественной властью - объектам безусловно временным.

El desarrollo moral del hombre es la primera intención del legislador; luego que este desarrollo llega a lograrse, el hombre apoya su moral en las verdades reveladas y profesa de hecho la religión, que es más eficaz cuanto que la ha adquirido por investigaciones propias. Además, los padres de familia no pueden descuidar el deber religioso hacia sus hijos. Los pastores espirituales están obligados a enseñar la ciencia del cielo: el ejemplo de los verdaderos discípulos de Jesús es el maestro más elocuente de su divina moral; pero la moral no se manda, ni el que manda es maestro, ni la fuerza debe emplearse en dar consejos. Dios y sus Ministros son las autoridades de la religión que obra por medios y órganos exclusivamente espirituales; pero de ningún modo el Cuerpo Nacional, que dirige el poder público a objetos puramente temporales.

Законодатели! Сколь благородные и возвышенные мысли должны наполнять Ваши души при взгляде на уже провозглашённую Боливийскую Нацию! Вступление нового государства в сообщество остальных - для человека благородного повод для ликования, ибо так растёт великая семья народов. Каким же тогда должно быть ликование его основателей!

И моё!!! Я ощущаю себя равным самому знаменитому из древних — Отцу Вечного города! Эта слава по праву принадлежит создателям наций, которые, будучи их первыми благодетелями, должны получать бессмертные воздаяния; но моя слава, тоже бессмертная, является заслугой незаслуженной. Где та республика, где тот город, который я основал? Ваша щедрость, назвавшая нацию в мою честь, опережает всю мою службу, и бесконечно превосходит те добрые дела, которые в состоянии свершить мы, люди.

Legisladores, al ver ya proclamada la nueva Nación Boliviana, ¡cuán generosas y sublimes consideraciones no deberán elevar vuestras almas! La entrada de un nuevo Estado en la sociedad de los demás es un motivo de júbilo para el género humano, porque se aumenta la gran familia de los pueblos. ¡Cuál, pues, debe ser el de sus fundadores! ¡¡y el mío!!! viéndome igualado con el más célebre de los antiguos, -el Padre de la Ciudad eterna! Esta gloria pertenece de derecho a los creadores de las naciones, que, siendo sus primeros bienhechores, han debido recibir recompensas inmortales; mas la mía, además de inmortal, tiene el mérito de ser gratuita por no merecida. ¿Dónde está la república, dónde la ciudad que yo he fundado? Vuestra munificencia, dedicándome una nación, se ha adelantado a todos mis servicios; y es infinitamente superior a cuantos bienes pueden hacernos los hombres.

Моё отчаяние растёт при виде безграничности Вашей награды, ибо после того, как иссякнут таланты, добродетели и сам гений величайшего из героев, я всё ещё буду недостоин носить имя, которое Вы захотели дать себе: моё!!! Как мне высказать благодарность, когда её вовеки не хватит, чтобы выразить, как я испытываю Вашу доброту, которая, как у Бога, превосходит все пределы? Да: лишь Бог имеет власть назвать эту землю Боливией... Что ты хочешь сказать, Боливия? Безбрежная любовь к свободе, получив которую, Ваш восторг не видит ничего, равного ей в цене. Я не нахожу, что подходящей демонстрацией пылкости Ваших чувств является Ваше опьянение, отнимающее Ваше имя и дающее всем Вашим поколениям взамен моё. Подобного щедрого восхваления ещё не слыхали века истории. Такой поступок покажет временам, пребывающим в разуме Вечности, как Вы жаждали владения своими правами, являющегося владением исполнения политических добродетелей, к которым добавлены блистательные таланты и жажда быть людьми. Этот поступок, повторяю, будет доказывать, что Вы были кредиторами в получении великого благословления небес - Суверенитета Народа, единственного законного признания среди наций.

Mi desesperación se aumenta al contemplar la inmensidad de vuestro premio, porque después de haber agotado los talentos, las virtudes, el genio mismo del más grande de los héroes, todavía sería yo indigno de merecer el nombre que habéis querido daros, ¡¡el mío!!! ¿Hablaré yo de gratitud, cuando ella no alcanzará jamás a expresar ni débilmente lo que experimento por vuestra bondad que, como la de Dios, pasa todos los límites? Sí: sólo Dios tenía potestad para llamar a esa tierra Bolivia... ¿Qué quiere decir Bolivia? Un amor desenfrenado de libertad, que al recibirla vuestro arrobó, no vio nada que fuera igual a su valor. No hallando vuestra embriaguez una demostración adecuada a la vehemencia de sus sentimientos, arrancó vuestro nombre y dio el mío a todas vuestras generaciones. Esto, que es inaudito en la historia de los siglos, lo es aun más en la de los desprendimientos sublimes. Tal rasgo mostrará a los tiempos que están en el pensamiento del Eterno, lo que anhelabais, la posesión de vuestros derechos, que es la posesión de ejercer las virtudes políticas, de adquirir los talentos luminosos y el goce de ser hombres. Este rasgo, repito, probará que vosotros erais acreedores a obtener la gran bendición del cielo -la Soberanía del Pueblo- única autoridad legítima de las naciones.

Законодатели! Вы имеете счастье управлять судьбами Республики, которая родилась при коронации лаврами Аякучо, и счастливое существование которой должно увековечиться законами, которые продиктует Ваша мудрость в тишине, наступившей после урагана войны.

Legisladores, felices vosotros que presidís los destinos de una República que ha nacido coronada con los laureles de Ayacucho, y que debe perpetuar su existencia dichosa bajo las leyes que dicte vuestra sabiduría, en la calma que ha dejado la tempestad de la guerra.

**Лима, 25 мая 1826.
Боливар.**

Источник: educ.ar

esp->rur: shogi.ru, Д.К., сентябрь-октябрь 2010

версия: 12.10.10